

А. В. КАРТАШЕВ

Халкидонская проблема в понимании русских мыслителей

<Соловьев В. С.>

В 70-е годы поднимается гигантская, для данного вопроса, фигура Владимира Сергеевича Соловьева. Философ по призванию, блестящий публицист, проповедник христиански-церковного мировоззрения, он в течение трех десятилетий настойчиво, ударно звал богословскую мысль русской Церкви раскрыть конкретно, в приложении к нашей исторической эпохе, директиву Халкидонского вероопределения о соединении двух природ в процессе творческого делания христианского человечества в духе и силе теократии. Соловьев нетерпеливо метался и искал готовые формы этой теократии. Прodelал поучительный опыт приятия теократии римской Церкви. Ради этого дерзновенно, единолично в своем сердце соединял Церкви. Но не в этих крайностях, изжитых им самим в течение — увы! — очень короткой жизни, его заслуга и огромное влияние на всю генерацию русских религиозных философов, вплоть до наших дней и, вероятно, впредь еще надолго. Талант и заслуга Соловьева, после быстрой победы над своим юношеским поклонением модному в 60-е гг. идолу материализма, состоит в богатырской прокладке пути к идеалу «цельного знания», во всеобъемлющем синтезе философии и христианской догмы, в создании теократической церковной историософии при свете и на базе догмата о Богочеловечестве. Система Соловьева для православного богословия есть блестящая иллюстрация современного раскрытия неумирающей жизненности и спасительности Халкидонского догмата. Совершенно сознательно и прямо, опираясь на вероопределение IV Вселенского Собора, Соловьев приписывает богочеловеческую природу богочеловеческий смысл процессу

земной истории человечества, включенной на том же основании в рамки общей космической жизни. И это он делает в противовес практическому искажению даже в православном догматствовании и православном практическом благочестии нормы полного богочеловечества, когда Церковь безучастно уклоняется от активной роли в земной истории, влекомая односторонним духом монофизитства. Как борец против одностороннего, внеисторического уклона в богословии Соловьев являет пример богослова-ортодокса, богослова-халкидонца. Но его идеи и построения внутри православных рамок Халкидонского ороса являются новым, свободным добавлением философа. Приветствуя ортодоксальные рамки, усвоенные Соловьевым как завет Халкидона, мы критически относимся его богословским построениям внутри этих рамок. Ум человеческий, конечно, никогда не может остановиться в поисках разрядки тайны взаимоотношений Творца и твари, Бесконечного и конечного, Божества и человечества, хотя разъяснить тайну, как и тайну всякого догмата, нам не дано. Но посильный подвиг ума в прояснении бесконечного горизонта тайн, разумеется, лежит на святом пути служения истине Христовой. Соловьев на том, так сказать, внутреннем фронте догмата, внутри халкидонских барьеров, воздвиг две философские вехи: «всеединство» «софиологию». «Всеединство» — это для него, как и для всякого философа, соблазнительно-универсальный, всеохватывающий, все венчающий фокус, в котором перекрещивается и которым связуется весь состав бытия относительного, а вкупе и... абсолютного! Вот этого *salto mortale*¹ от конечного к Бесконечному никакой философский экстаз не обязывает нас допускать. Это один из болотных огоньков, заводящих философов в бесшумный провал на вершинах их последних достижений. Другой крылатый конь, не только рациональный, но и мистический, на котором Соловьев перелетает через страшный зев пропасти между Богом и миром, это давно заброшенная и полузабытая София. Повторяя тысячелетние древние попытки и эллинской философии, и библейского хохмизма, и раввинской каббалы, и бурной гностической фантастики иллюзорно заполнить пропасть между Творцом и тварями, Соловьев избирает для этого орудием самый чистый, освященный библейским языком образ Софии, и этим по инерции надолго заражает наших религиозно-философствующих мыслителей и поэтов. Не споря о законных границах софийной мифологемы, мы здесь хотим только указать на коренную логическую порочность самого замысла найти в тумане «всеединства» и на крылах «софийного зона» что-то

посредствующее между Единицей и нулем, между Сущим и ничто, Абсолютным и относительным, между Богом и всем, мыслимым вне Бога. Тут качественная, ничем количественно не заполнимая антиномия между плюсом и минусом, между да и нет. Никакой постепенностью, никакими мостами из эонов нельзя прикрыть онтологического прерыва между двумя полярностями. Это явный абсурд и самообман, будто можно онтологически сочетать Абсолютное с относительным путем постепенного вычитания из него неких частиц абсолютности с заменой их равновеликими частями относительности вплоть до полного перехода или превращения Абсолютного в относительное. Равно абсурдна и обратная процедура. На деле каждая ступень или каждый момент такой процедуры есть просто момент упразднения бытия одной категории другою, а не их сцепления, сочетания, объединения. Многоступенность таких процедур есть чистейшая логическая иллюзия, философский самообман. На нем построена вся импотентная фантастика гностицизма, его эномания. Но она совершенно бесполезна в постижении паралогической тайны соотношения Творца и творения. Тайна эта — непреложный факт.

Она дана. Ее нельзя понять, а нужно просто принять, не лукавя нашим малосильным разумом. «Ни Ходатай, ни ангел, но Сам Господи воплощся и спасл еси всего мя человека». Посредники и по сущности, по бытию, посредники онтологические тут исключены. Никаким *crescendo-diminuendo*² от твари к Богу *et vice versa*³ не создать сплошности, непрерывности, и в любую из миллиметровых щелей проваливается, как в бездну, все построение. Если даже в мире вещей относительных мы вынуждаемся оперировать антиномиями, то как же не преклониться пред антиномией из антиномий и не перестать посягать на постижение разумом непостижимого? И идея «всеединства», т. е. ее незаконная претензия на слияние Абсолютного с относительным, должна быть отброшена в онтологические границы сотворенного космоса. Да, космическое бытие всеедино, и не само по себе, а по воле Творца и «Вседержителя», всю тварь «содержащего», «животворящего», но ею никак не содержимого.

Соблазнив и запутав в гностико-пантеистические двусмысленности всю высокодаровитую школу своих учеников, сам Соловьев безупречен с точки зрения Халкидонского ороса в ортодоксальном утверждении принципа Богочеловечества как светоча, озаряющего своими теократическими лучами историю человечества и всего космоса.

Философское творчество В. С. Соловьева высоко ценилось ортодоксальными богословскими кругами как апологетическое служение среди безрелигиозного большинства русского общества. Ради этого исключительного, как бы пророческого, служения В. Соловьеву прощались и его колебания, и смена взглядов по отдельным вопросам, и даже его явное увлечение католичеством. Ждали его охлаждения и — дождались.

